

**Аркадий Валерьевич
Застырец**

Редактор газеты «Наука Урала», автор поэтических книг «Пентограмма» (1994), «Волшебник, Отшельник и Шут» (1996), автор русского перевода полного собрания поэтического наследия Франсуа Вийона «Прощание. Завещание. Стихотворения» (1994)

НАКАНУНЕ ВСЕ ТОЙ ЖЕ РАБОТЫ (Николай Николаевич Красовский)

Академик Н.Н. Красовский не любит журналистов. Я это знаю и при встрече с ним обхожусь без технических средств. Я даже записывать слово в слово то, что он говорит, не решаюсь — не то что подсовывать диктофон. Я говорю с ним вообще не в качестве журналиста. А в качестве кого? Просто старый знакомый (я слушал его лекции еще старшеклассником, а он впервые услышал обо мне, по-видимому, уже от моих учеников, в ту пору, когда я сам преподавал в средней школе).

Мне не хочется рисовать стандартный «портрет ученого» с биографическими данными, перечнем достижений, одобренный обычными в таких случаях дифирамбами. Академик старательно и не без успехов избегает подобных «даров» (в связи с недавним своим юбилеем, к примеру, он ушел в отпуск накануне предполагаемых торжеств). Это тоже причина. Было бы откровенной бестактностью с моей стороны писать здесь «юбилейный портрет», а для моего адресата — разоча-

рованием. Адресата? Неслучайное слово. Не надо очерка, не надо портрета и интервью. Пусть будет письмо. Но не просто открытое, в котором все будет ясно любому постороннему читателю. Пусть будет переписка, причем полупиктограмма. Сообщаю только один ключ: сказанное Академиком набрано курсивом, весь остальной текст — моя отсебятина по поводу. Ремарки — в квадратных скобках.

Настроение отвратительное. Хочется прийти к Академику и, грубо нарушив социальный ритуал, резануть «правду-матку», будто бы мне 17 лет: все не то, не так, не тем вы занимаетесь, неправильно¹ вы мыслите, изощренно, но неправильно... «Вы» — не в смысле «вы — Академик», «вы» — в смысле «математики, механики, физики, ученые вообще». Но «правда-матка» далека от правды. На самом деле все гораздо сложнее, запутаннее. По видимости, отношение к науке — неразрешимо трудная задача.

Николай Николаевич Красовский

— А я вот вам покажу неприличную картинку, я ее показываю молодым людям, растлеваю, так сказать... [Картинка в мониторе — графический выход программы, представляющей математическую модель демократии. Что доказывает? В течение произвольно выбранного отрезка времени (40 лет, устраивает?) никаких устойчивых тенденций в изменении благосостояния отдельных членов общества — один резко богатеет, другой моментально разоряется, третий — ни то, ни се. Зато две тенденции абсолютно очевидны и устойчивы: 1) общество в целом беднеет; 2) политики, побеждающие на выборах, богатеют.]

Картинка действительно неприличная, зачем она? Все и так все знают. Политики, богатеющие за счет общества, вряд ли исправятся, на нее поглядев. А нам, обществу, что прикажете делать? Отчаянная картинка, трагикомическая. Компьютер — штука абсолютно нон-эвристическая. Кто виноват? Пожалуйста, объяснит. Что делать? Решайте сами.

Что с нами делает компьютер? Что дальше? Что будет с человеком?

Что от него останется? Хотя бы камень на камне уцелеет?

— Компьютер стал инструментом лет 30 назад. Уже тогда я говорил: что с нами будет?

Физическое воздействие — не самое страшное. Так же, как и засорение внешней среды, более опасно — информационное.

Чтобы, постоянно работая с компьютером, сохранить что-то в себе, приходится делать усилие.

Искусственного интеллекта не существует. Есть естественный интеллект, который упакован и продается.

Деградация естественного интеллекта — вот опасность. И угрожает она прежде всего молодым людям: им труднее сопротивляться.

Однажды в День знаний несколько лет назад случайно подслушал разговор двух старшеклассников:

— «Как обидно, что мир не организован подобно компьютеру, что нельзя стереть кое-кого!»

Привычка управлять вымышленным миром приводит к оскудению интеллекта.

В последние года три, судя по результатам математических олимпиад, у школьников обвалью слабеет способность принятия нетривиальных решений.

Еще одно зло — разрушение памяти.

Еще одно — разрушение естественной логики.

Компьютер — это страшное зло, но неизбежное. Правда, можно разрушать память с помощью компьютера, а можно напротив — совершенствовать.

Самые глубокие истины открываются путем озарения, который формализации в принципе недоступен.

Где эта граница? Что может и чего не может компьютер?

Я не люблю компьютер, но каждое утро мне приходится за него садиться.

Поверьте, я тоже. Я всю современную цивилизацию не люблю, но каждое утро просыпаюсь и живу, пользуясь ее составными частями («благами», как принято говорить).

Общим местом в разговорах с учеными стало утверждение о том, что наука — вне нравственности. Наука производит нейтральные, с точки зрения нравственности, вещи. А политики, военные, другие всякие злодеи эти нейтральные вещи превращают в оружие смерти, ад на земле творят с их помощью. И это удивительно. С такой точки зрения из всех фундаментальных сфер светской человеческой деятельности (политика, экономика, война, искусство, практическая медицина, педагогика, частная жизнь) только наука почему-то обладает правом на такую привилегию. И ведь это весьма распространенная точка зрения, это в порядке вещей. И мне кажется, пока это так, мы будем неуклонно катиться в пропасть. Еще одно. Опыт и логика. Наука, обнаружив, что сотворила очередную гадость, ищет противоядие и в результате ... находит новую, часто еще более страшную гадость. Сизифов труд. Мы на пороге создания генетического оружия, самого эффективного в истории и притом действующего практически незаметно. А ведь это опять будет итогом самых благих устремлений, борьбы со СПИДом, например.

— Мой отец был земский врач, он говорил: две вещи — медицина и нравственность — не есть предмет теории, но только практики.

Времена и люди меняются. Не знаю, насколько я вправе судить о новом поколении. Ведь с точки зрения моего отца я — самый настоящий подлец. Отец же учил меня: настоящий человек должен прожить жизнь без наград и титулов. А у меня они есть, и когда я шел что-нибудь выпрашивать — не для себя, разумеется, для дела — у представителей власти, прикалывал к пиджаку «антихамин». Что это такое? Звезда Героя Социалистического Труда...

Я не решаюсь спросить о Боге. И оказывается, правильно делаю, что не решаюсь. Академик меня предупреждает.

— Сегодня в порядке вещей публично спрашивать человека, верует ли он в Бога. И многие с готовностью отвечают на этот глубоко интимный вопрос, как правило, положительно: да, верую, и всегда верил, но раньше скрывал.... Мой дедушка был поп в соборе Иоанна Златоуста, от него я впервые услышал: «Не употребляй имя Господа Бога всуе».

Согласен. Но почему обязательно всуе? Атеизм или вера? Какая именно вера? Связанные с этими вопросами нравственные проблемы — реальность. В условиях тоталитаризма они наверняка также мучили людей, как и сегодня. Но тогда это было действительно интимным и только интимным делом. Ни о каком открытом обсуждении, ни о какой, следовательно, взаимопомощи в их решении не могло быть и речи. И это вполне устраивало тогдашнюю власть. Мне тоже противно лицемерие, я тоже не приветствую скороспелого неопитства. Но неужели по этой причине мы по-прежнему должны хранить молчание?

— У меня не было никаких иллюзий относительно социалистической системы. Я все знал и не имею права говорить, что был слеп. Но антисоветских настроений ни у меня лично, ни в нашей семье не было. По мировоззрению отец был толстовец, мать — православная.

На мой взгляд, позиция Академика — это единственная позиция в данном вопросе, заслуживающая безусловного уважения.

— Поэт, писатель, художник для общества важнее и выше, чем ученый, математик. Я ведь мечтал быть художником. Всю жизнь завидую белой завистью людям искусства.

Я всегда ощущал и по сей день испытываю недостаток гуманитарного образования.

Человек, который систематически занимается математикой, нравственно скудеет...

Последняя фраза — сюрприз для меня. В том смысле, что я никак не ожидал услышать ее от математика, да еще такого! Вспоминаю своего школьного учителя, который однажды поразил нас подобным высказыванием: он заметил одному ученику, что отличную успеваемость по математике или химии можно иметь и в фашистской школе.

Как вы относитесь к слову «прогресс»? Вопросы все какие-то тривиальные...

— Я боюсь этого слова. Как понять, что такое прогресс? Атомное оружие — это прогресс?

Способствовать прогрессу, работая со школьниками? Да, возможно...

Девочка, после двухнедельной поездки в США говорящая вместо «пра-

вославная церковь» «ortodox church» — это прогресс?

Или вот еще. По телевидению демонстрируют какую-то авангардную театральную постановку. Такая же не говорю: всего четыреста лет прошло со времен Шекспира — а какой прогресс!? Да?

Говорят о роли интеллигенции в прогрессе... Мне не хочется быть интеллигентом. Перед глазами стоит образ Васисуалия Лоханкина.

Профессиональная полезность — вот что имеет смысл. В связи с этим потеря школы в науке, искусстве — еще одно сегодняшнее зло.

Переходим к поэзии. Знаю, что Академик пишет стихи.

— Стихи пишут все математики. Но это, как правило, плохие стихи. Это, как правило, вовсе не поэзия.

Я не могу признаться в ответной страсти к точным наукам. Хотя иногда, спорадически, вспышками, на меня находит страсть к вычислениям, к решению логических задач, к чтению литературы по математике и физике (популярной, разумеется, не буду лукавить). Когда-то предметом моей искренней любви был зачитанный мною же первый том дифференциального и интегрального исчисления Пискунова. Но второго тома я так и не осилил, премудрость дифференциальных уравнений осталась за пределами моего понимания.

Так что с удовольствием переходим к поэзии. Кто — любимые?

— Пушкин, Тютчев, долгое время не расставался с Брюсовым.

В наше время считается неуместно об этом говорить, но — Некрасов.

Николай Гумилев тоже называл Некрасова любимейшим своим поэтом.

Еще более неловко, но мне всегда очень нравился Маяковский.

Из Пастернака только избранные места, особенно перевод «Фауста» Гете.

Бывают книги, которые перечитываются всю жизнь, просто сопровождают человека. У вас такие есть?

— Есть такие. Постоянно перечитываю прозу Пушкина, Лермонтова — также прозу, а стихи его не люблю.

Гоголь.

«Анна Каренина».

Шекспир — каждый день перед сном.

Еще на английском — Филдинг, Чосер, Бернард Шоу, Марк Твен, Фенимор Купер.

Еще, конечно же, «Дон Кихот».

У меня есть любимые исторические персонажи. Особенно меня всегда занимала Жанна Д'Арк. Ей посвятил венки сонетов.

Академик сам начинает говорить о живописи и скульптуре. Маловероятно, что я надумал бы спросить об этом.

Живопись:

И об этом сегодня говорить считается неприличным, но — Репин. Еще Серов, Врубель — это, напротив, вполне соответствует духу времени.

Рафаэль. Опять неудобно. Я шел смотреть «Сикстинскую мадонну» в скептическом настроении и просто обалдел.

Еще Веласкес (правда, в оригинале почти ничего не видел), Рембрандт, Ван Гог и Гоген.

Скульптура:

— Роден, РОДЕН!

Вообще-то я стараюсь не говорить о своих пристрастиях. Получается, вроде бы хвастаюсь: вот что я читал, вот что я люблю!

Я даже начинаю сердиться за эту скромность. Все с оговорками. Ни разу не сказано о том, что вот это и это плохо. Но только: может быть, это по-своему хорошо, но мне непонятно, чем именно. Наверное, я уже слишком стар, я — человек другого поколения.

Послушайте, но ведь я, например, полностью согласен с вами в большинстве оценок. А меня-то не назовешь пожилым человеком.

— Ну, вы уже тоже далеко не молодцы.

В самом деле... Неужели наша правота — вовсе не правота, а всего лишь возрастной симптом?

Неужели критерия истины, красоты, добра, верного для всех поколений, не существует? Как хотите, а я не перестану верить в обратное.

Дорогой Академик, я гляжу в ваши замечательные глаза, в ваше лицо, по-детски торжествующее в ответ на мой смех по поводу вашей удачной шутки, слушаю ваш голос, то породственному мягкий, то кристаллически твердый, и говорю вам: я не перестану верить в обратное. То, что вы существуете, — посылка, из которой с непреложностью простой теоремы следует: не все еще потеряно.

Мне кажется, надо искать, надо размышлять. Эмоционально достоверные поступки, не сверяющиеся с работой ума, приводят к откровенной глупости. Но ведь и бездушные решения никогда не бывают разумными. Се-

годня, на пороге столетия, хотим мы того или нет, человеку предоставляется еще один шанс соединить сердце и рассудок. Только если и на сей раз мы попытаемся «поверить алгебры гармонию», а не как-нибудь наоборот... Если ваших слов никто не услышит, вашего опыта никто не заметит... Думаю, новой возможности уже не будет.

Играть в отцов и детей уже некогда.

Мне кажется, вы прекрасно понимаете это. Потому-то и отдаете так много драгоценного (да, да, не возражайте, с каждым годом все более драгоценного!) своего времени очень молодым людям. Потому-то и вы так молоды, и в душе, и внешне. И если бы не эта неизбежная печаль большой мудрости, что, нет-нет, да и сверкнет во взгляде, можно было бы и сегодня спросить: «Так это вы о Красовском? О том самом? О чемпионе города по стометровке?»

Да, это о нем, и это ему — мой низкий поклон, уважение и любовь.

Что еще я могу добавить отнюдь не в качестве журналиста?

***

Заполдень, наспех, в пыли и огне —
Чай и батон, и раскола мелом
Скучная тьма на потертой стене,
В самодавленьи своем оголтелом.
Все возрастающий столп серебра
Отблеск наносит на донца глазные,
Мука, желанная, словно игра,
Чертит нули и кресты ледяные.
Воротничка белоснежная стать,
Речь обходительна и осторожна...
Скажется завтра, что молча-то знать
Кажется нынче еще невозможно.
Но — в глубину или в черную высь
Нас уведут золотые расчеты —
Мы накануне все той же работы
Станем, как будто вчера родились.

Когда этот материал готовился к печати пришло известие, что академик РАН Николай Николаевич Красовский удостоен Демидовской премии и высшей награды РАН — Большой Золотой медали им. Ломоносова. Редакция журнала сердечно поздравляет ученого с высокими наградами.